

А.Е. Ландау

Еврейская библиотека

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А.Е. Ландау**
Еврейская библиотека: Том 3 / А.Е. Ландау – М.: Книга по Требованию, 2014. –
416 с.

ISBN 978-5-4241-5461-4

Еврейская библиотека. Историко-литературный сборник. Том 3.

ISBN 978-5-4241-5461-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Левитовъ племя въ стагѣ возвышалось,
 Какъ кипарисный гѣсъ среди песковъ,
 И сладкострунной музыкой безъ словъ
 Игра ихъ вмѣстѣ съ пѣніемъ сливалась
 Въ единый, стройный гимнъ царю міровъ.

* *
 *

А на горѣ, закрыть свинцовой тучей,
 Такъ говорилъ Творцу пророкъ могучій:

«Ужель мой путь не конченъ, о Творецъ?
 Куда-жь меня пошлешь ты наконецъ?

Я одинокъ въ могущество и силѣ.
 Позволь уснуть мнѣ сномъ земнымъ въ могилѣ.—

Избранникъ твой, чѣмъ буду я впередъ?
 Какъ ты желалъ, израильскій народъ

Дозель я до страны обѣтованной:
 Онъ видитъ предъ собою край желанный,

И я молю, чтобы вождемъ другимъ
 Народъ еврейскій былъ руководимъ;

Тому вождю вручу я безъ печали
 Свой грозный жезлъ и самыя скрижали.

* *
 *

«Зачѣмъ надежды всякой я лишень?
 Зачѣмъ, какъ прежде, я не погружень?

Въ невѣдѣннѣ безвѣстности? Довныѣ
 Не смѣла смерть настичь меня въ пустынѣ.

Увы! я мудръ, и славенъ, и великъ:
 Единымъ мановеніемъ привыкъ

Дорогу я указывать народу;
Я раставлять покорную природу

Земныхъ царей громами поражать;
Я людямъ могъ законы создавать

И въ страхѣ предо мной, въ благоговѣннѣ
Склонялось не одно ихъ поколѣннѣ;

Мой жезлъ гробницы предковъ раскрывалъ
И тайны смерти въ нихъ я прочиталъ.

О, я великъ. У ногъ моихъ покорно
Лежить толпа; могу я чудотворно

Губить народъ и жизни вызывать вновь,—
Но смертныхъ мнѣ невѣдома любовь,

Я одинокъ въ могуществовѣ и силѣ.
Позволь уснуть мнѣ сномъ земнымъ въ могилѣ!..

* *
*

«Ты далъ мнѣ власть пророчествъ и чудесъ;
Нѣтъ тайны для меня среди небесъ;

Я захочу—и нѣтъ ужъ больше ночи;
Я возведу на небо только очи—

И предо мной, обычной чередой,
Въ эфиръ звѣзда выходитъ за звѣздой;

Я молвіи задерживалъ въ ихъ тучахъ,
Я погребалъ среди песковъ сыпучихъ

Въ развалинахъ большіе города,
На горы горы рушилъ безъ труда;

Передо мною море отступало,
Когда я шелъ, и буря затихала

Подъ голосъ мой. Когда народъ страдать
Или законовъ новыхъ ожидать,

Къ тебѣ съ мольбой тогда я обращаюся
И новой силой духъ мой окрыляюся;

Мнѣ солнце покорялось въ вышинѣ,
И ангелы завидовали мнѣ.

Но все же я несчастливъ, Іегова!
Я одинокъ и власть моя сурова

И тяжела, какъ ночью, такъ и днемъ.
Нѣтъ радости въ величїи моемъ,

Забвенья нѣтъ въ могуществѣ и силѣ.
Позволь же мнѣ забыться сномъ въ могилѣ!..

* *
*

«Когда меня призывалъ ты въ первый разъ,
То связь моя съ людьми разорвалась,

И шепотомъ однимъ я былъ встрѣчаемъ:
«Его теперь мы болѣе не знаемъ!»

Потупившись, бѣжали все назадъ:
Такъ жегъ людей пророческій мой взглядъ;

Никто мнѣ чувствъ не выражалъ украдкой,
И въ ужасѣ скрывались за палаткой

Еврейки молодыя отъ меня.
Такъ одинокъ, молчаніе храня,

Я шель передъ народомъ. Отчего же
Мнѣ въ мірѣ нѣтъ забвенья, вѣчный Боже?

Я не могу спокойно отдохнуть,
Склонивъ чело на дружескую грудь:

Мое чело въ груди пробудить муку,
Моя рука сожметъ чужую руку;

Въ моихъ глазахъ и въ голосѣ моемъ
Видна гроза и слышенъ Божій Громъ,

И если раскрываю я объята,
Передо мною въ трепетѣ собратья

Склоняются... Создатель! Я великъ,
Но тягочусь величьемъ каждый мигъ,

Но одинокъ въ могущество и силѣ...
Позволь же мнѣ уснуть въ сырой могилѣ...»

* *
*

Можь тѣмъ народъ, чтобъ не гнѣвить пророка,
Палъ ницъ, хранилъ молчаніе глубоко,
На вертѣ горы не поднимая глазъ,
Гдѣ громъ гремѣлъ за тучами въ тотъ часъ,
Да молніи извивами сверкали
И очи ослѣпленныя пугали.

Когда жь Навинъ явился на горѣ,
Онъ былъ одинъ; онъ плакалъ.— На зарѣ,
Не Моисей, а вождь новозбранный
Позвалъ народъ къ землѣ обѣтованной.

Дл. Минаевъ.

ГОРЯЧЕЕ ВРЕМЯ.

РОМАНЪ.

Часть четвертая и последняя.

Н Е В Ы В Е З Л О.

I.

Поручикъ Петръ Аванасьевичъ Дубовъ, о которомъ Мери Тидманъ писала Софіи Аронсонъ, попалъ въ войны по совершенно независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ. Онъ не только не имѣлъ въ себѣ ничего воинственнаго, но обладалъ такими инстинктами, которые прямо противорѣчили званію военнаго человѣка. Онъ всегда мечталъ о какой-нибудь ученой или юридической карьерѣ, чувствовалъ непреодолимое влеченіе къ кабинетнымъ занятіямъ, находился уже на третьемъ курсѣ, собиралъ уже матеріалы для будущей магистерской диссертациі, какъ вдругъ его опекунъ и дядя, выжившій изъ ума генералъ въ отставкѣ, отъ котораго онъ всецѣло зависѣлъ въ матеріальномъ отношеніи, объявилъ ему, въ видѣ ультиматума, что если онъ, Петя, не опредѣлится немедленно въ военную службу, «какъ подобаетъ столбовому дворянину», то онъ, генералъ, лишитъ его не только наслѣдства, но и мѣсячнаго содержанія.

Дѣлать было нечего: Петя взялъ и опредѣлился въ военную службу, такъ какъ ему, «какъ подобаетъ столбовому дворянину», казалось, что самостоятельно зарабатывать кусокъ хлѣба въ тысячу разъ труднѣе, чѣмъ написать магистерскую диссертацию, стало бытъ ссориться, съ своимъ благодѣтелемъ— вещь невозможная. Само собою разумѣется, что Дубовъ, однако не могъ не тяготиться навязанною ему карьерою, къ которой онъ не чувствовалъ ни малѣйшей склонности, такъ какъ

плыться всю зиму по кофейнямъ и кондитерскимъ, ухаживать за уѣздными барышнями или просиживать ночи за зеленымъ столомъ, а лѣтомъ обучать взрослыхъ людей стоять и ходить — совсѣмъ неподходящія занятія для человѣка, готовившаго себя въ ученые, мечтавшаго с какой-нибудь общественной дѣятельности. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что нашъ молодой военный страшно скучалъ, по временамъ даже хандрилъ, запирался въ своей квартирѣ, чтобы безпрепятственно предаваться научнымъ занятіямъ, отчего онъ въ офицерскомъ кружкѣ прослылъ чудакомъ, черно книжникомъ. Чтобы избѣгать непріятныхъ столкновеній съ товарищами, которые стали преслѣдовать его насмѣшками, онъ часто бралъ отпуска, командировки, переводился изъ полка въ полкъ, но все это мало удовлетворяло его жажду дѣятельности, дѣла, настоящаго, кипучаго, патріотическаго дѣла. Но гдѣ брать его въ полку, въ тѣсныхъ предѣлахъ дисциплины, субординаціи и прочихъ параграфовъ воинскаго устава?.. Правда, онъ состоялъ членомъ возникшаго тогда комитета грамотности; но что онъ могъ сдѣлать для просвѣщенія темнаго народа, будучи офицеромъ, отъ котораго «темный народъ» сторонится, какъ отъ становаго.

Въ 1862 году, Дубовъ съ своимъ полкомъ попалъ въ западный край. Отъ ночего дѣлать, онъ уже собирался, по примѣру своихъ товарищей, ухаживать за милостивыми и кокетливыми польками, какъ вдругъ онъ въ городѣ Г. неожиданно наткнулся на еврейскій кружокъ, и жизнь его потекла иначе.

«Эврика!» — воскликнулъ онъ, не шутя обрадовавшись своей неожиданной находкѣ. «Вотъ оно, настоящее дѣло-то! Теперь мы скучать не будемъ!»

Въ головѣ его блеснула мысль о возможности совершенія великаго гражданскаго, патріотическаго подвига: приобрести для Россіи два мильона полезныхъ гражданъ, и онъ предался этой мысли со всѣмъ жаромъ своей долго алкавшей полезной дѣятельности души. Какъ человѣкъ мыслящій и наблюдательный, онъ сразу сообразилъ, что передъ нимъ открылось обширное поле, уже достаточно разрыхленное и очень воспримчивое для хорошихъ сѣмянъ, и что труды его на этомъ полѣ не пропадутъ даромъ. Какъ русскій патріотъ, онъ оцѣнилъ во достоинству, что изъ всѣхъ населяющихъ Россію инород-

цевъ еврей, не смотря на то, что ихъ положеніе въ странѣ самое незавидное, всетаки больше другихъ склонны къ русской гражданственности, въ пользу которой и происходитъ теперь у нихъ сильное броженіе, которымъ пренебрегать и нерасчетливо и грѣшно.

И онъ рѣшился воспользоваться этимъ «броженіемъ», эксплуатировать его, насколько у него хватитъ силъ и способностей.

«На нашей ненадежной западной окраинѣ,—занесъ онъ въ свою памятную книжку,—мы должны и можемъ создать себѣ изъ еврейской массы довольно порядочный контингентъ, который могъ бы служить противувѣсомъ нѣмецкимъ иллюзіямъ и польскимъ притязаніямъ; такой противувѣсъ стоитъ трехъ крѣпостей, а такимъ противувѣсомъ евреи сдѣлаются тогда, когда они почувствуютъ себя русскими. Это чувство мы и должны будить въ нихъ неослабно, послѣдовательно».

Вотъ почему онъ такъ плотно прикнулъ къ еврейскому кружку города Г*, въ которомъ онъ нашелъ это чувство уже въ зародышѣ, на поддержаніе котораго онъ сталъ смотрѣть, какъ на дѣло въ высшей степени патріотическое, въ особенности въ данный моментъ, когда поляки, чему онъ былъ очевидцемъ, пустили въ ходъ всю свою ловкость, чтобы привлечь евреевъ на свою сторону. И, сознавалъ всю серьезность представившейся ему патріотической задачи, онъ, въ видахъ болѣе успѣшнаго ея разрѣшенія, счелъ нужнымъ заинтересовать ею отечественную печать, на просвѣщенное содѣйствіе которой онъ, повидимому, имѣлъ полное право разсчитывать. Но отечественная печать и вниманія не обратила на реляціи какого-то армейскаго офицера. Эти реляціи оказались ей пристрастными и лишенными основательности тѣмъ болѣе, что ей въ эту минуту казалось, что она, относительно евреевъ, имѣетъ другія убѣжденія: отечественный горизонтъ, какъ читатели, можетъ быть, припомнятъ, сталъ тогда заволакиваться густымъ туманомъ ребяческаго украинофильства, съ одной стороны, и безцѣльнаго славянофильства, съ другой, а флюгеръ показывалъ, что дуетъ вѣтеръ сѣверо-восточный, а не юго-западный; какъ-же легковѣснымъ листкамъ носиться противъ вѣтра?...

Но это обстоятельство не обезкуражило нашего смѣлаго поручика, взявшагося за патріотическое дѣло не по предписанію начальства, а по собственному побужденію и убѣжденію.

Онъ еще плотнѣе прикнулъ къ еврейскому кружку, сдѣлалъ его душою, работалъ неутомимо и съ любовью.

Недовольствуясь своею дѣятельностью въ Г*, онъ съѣздилъ въ N*.

Здѣсь онъ нашелъ кружокъ болѣе обширный, съ задачами и цѣлями болѣе опредѣленными, болѣе серьезными, которымъ онъ не могъ не сочувствовать отъ всей души. Городъ N*, съ своимъ громаднымъ еврейскимъ населеніемъ, съ своимъ большимъ контингентомъ еврейскихъ ученыхъ и обучающагося юношества, съ своимъ вѣковымъ авторитетомъ въ средѣ еврейскихъ общинъ всего края, показался ему тѣмъ естественнымъ центромъ, откуда всего удобнѣе было вести задуманную имъ патріотическую пропаганду, и онъ рѣшился оставаться въ этомъ центрѣ какъ можно долѣе, тѣмъ болѣе, что кружокъ, съ которымъ онъ легко сошелся, убѣдительно просилъ его объ этомъ.

Онъ отправилъ, куда слѣдуетъ, прошеніе, вслѣдствіе чего былъ прикомандированъ къ корпусному штабу, находившемуся въ N*. Такимъ образомъ поручикъ Дубовъ поселился въ N* и сталъ дѣлать съ кружкомъ всѣ его труды, заботы, хлопоты, опасенія и надежды.

Отзывъ мѣстной газеты о «дѣятельномъ» участіи евреевъ въ похоронахъ Тадеуша Шарашкевича вызволновалъ, возмутилъ всѣхъ членовъ кружка.

«Обманъ! Ложь! Дерзость! — кричали они въ чрезвычайномъ засѣданіи, созванномъ по этому случаю. — Евреи участвовали въ похоронахъ изъ правднаго любопытства, а не изъ сочувствія къ польской справѣ... Кто изъ евреевъ знаетъ, кто такой былъ Тадеушъ Шарашкевичъ? Можетъ быть, одинъ изъ тысячи. Они за шиворотъ насъ тащутъ? Это уже слишкомъ! Нужно протестовать! Протестовать!»

Протестъ короткий, но энергическій былъ тутъ же составленъ Аркадіемъ Сариннымъ, подписанъ членами кружка и отправленъ въ редакцію мѣстной газеты.

На завтра, въ отвѣтахъ редакціи, протестующіе прочли, что статья ихъ не можетъ быть напечатана... «по извѣстнымъ редакціи причинамъ».

Кружокъ просто ахнулъ отъ такой несправедливости.

— Но протестъ долженъ быть напечатанъ, во что бы то ни стало! — воскликнулъ Дубовъ, трясаясь отъ гнѣва.

— Развѣ въ другой, столичной газетѣ? — спросилъ кто-то.

— Нѣтъ, въ мѣстной, непременно въ мѣстной, — отвѣтилъ Дубовъ. — Преступника наказываютъ на мѣстѣ совершеннаго имъ преступленія. Вы, господа, позвольте мнѣ взять это дѣло на себя?

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтили члены.

— Въ такомъ случаѣ, я не Петръ Аванасьевичъ Дубовъ, если вашъ протестъ не будетъ напечатанъ въ ближайшемъ же номерѣ, — черезъ часъ или два вы получите отвѣтъ. Буду къ редактору сейчасъ же. Не нужно мѣшкать! До свиданія.

Онъ пристегнулъ свою саблю, распростился и вышелъ.

Быль ровно полдень, когда Петръ Аванасьевичъ вошелъ въ приемную редакціи мѣстной газеты.

— Къ редактору? — спросилъ его находившійся въ то время въ приемной секретарь редакціи.

— Къ редактору.

— Онъ сегодня не принимаетъ.

— Знаю, потрудитесь однако же доложить: поручикъ Дубовъ, членъ слѣдственной комиссіи по политическимъ дѣламъ.

Секретарь, бросивъ испытующій, почти пугливый взглядъ на стоявшаго передъ нимъ офицера, отправился доложить. Черезъ минуту онъ возвратился въ приемную и почтительнымъ жестомъ попросилъ Дубова въ отворившуюся дверь редакторскаго кабинета.

Кабинетъ редактора мѣстной газеты не мало поразилъ Дубова своею богатою, въ особенности же своею тенденціозною обстановкою. У противоположной отъ дверей стѣны стояли дыбомъ двѣ пары чугунныхъ львовъ, держа въ своихъ когтяхъ — первая пара — генеральную карту древней Литвы, а вторая — такую же карту Рѣчи Посполитой. Изъ-за этихъ картъ возвышались на высокомъ пьедесталѣ двѣ гипсовые фигуры въ человѣческой ростъ, Ягелло и Ядвига, изображавшія собою соединеніе Литвы съ Польшею. Какъ бы въ дополненіе къ этому рельефу, на противоположной стѣнѣ красовалась большая картина, писанная масляными красками и изображавшая брестскую унію. Углы этого обширнаго кабинета были тоже заняты историческими фигурами. Въ одномъ углу стояли фигуры Дмитрія и Марины Мишекъ, въ другомъ — Костюшки и Станислава Понятовскаго, въ третьемъ — Иосафата Кунцевича и Адама Мицкевича, а въ четвертомъ — о, верхе тенденціозности! — косматыя фигуры Стеньки Разина и Емельки

Пугачева, этих спартаковъ земли русской. Всѣ же стѣны были завѣшаны портретами польскихъ знаменитостей всѣхъ эпохъ, до самаго послѣдняго времени. Болѣе назидательной обстановки, кажется, нельзя было и придумать.

Когда Дубовъ вошелъ въ кабинетъ, изъ-за большого письменнаго стола, заваленнаго бумагами, газетами, только что вышедшими брошюрами, книгами и статуэтками, медленно поднимался къ нему навстрѣчу человекъ лѣтъ пятидесяти, средняго роста съ округленными формами, съ тщательно выбритымъ лицомъ и съ огромною лысыною, тянувшеюся съ высокаго чела по самую макушку, на которой покоилась, въ видѣ рогатки, пара синихъ очковъ, служившихъ не столько для регулированія зрѣнія, сколько для замаскированія выраженія глазъ ихъ носившаго.

Дубовъ отрекомендовался.

— Что скажете хорошаго? — спросилъ редакторъ послѣ того, какъ онъ опять усѣлся на своемъ мѣстѣ, предварительно указавъ гостю на близстоявшее кресло. Дубовъ сѣлъ.

— Я къ вамъ въ качествѣ уполномоченнаго отъ лицъ, приславшихъ вамъ на-дняхъ протестъ для напечатанія, — отвѣтилъ онъ.

— А, отъ евреевъ! — проговорилъ редакторъ, слегка покраснѣвъ, и синія очки вдругъ съѣхали съ макушки на переносицу.

— Да, отъ русскихъ Моисеева исповѣданія, — сказалъ Дубовъ, не безъ намѣренія перефразировавъ слова редактора.

— Развѣ есть уже и такіе? — спросилъ послѣдній, впервые въ свидѣннаго передъ нимъ офицера свой замаскированный взглядъ.

— Если есть поляки Моисеева исповѣданія, то отчего не быть и русскимъ этого исповѣданія?

— Это очень любопытно, — замѣтилъ редакторъ, саркастически улыбувшись. — Мы вотъ, живя на мѣстѣ, что-то не слышали о такихъ субъектахъ.

— Очень жаль, что не слышали, но такіе субъекты существуютъ здѣсь же. Они то и поручили мнѣ ходатайствовать передъ вами о напечатаніи ихъ протеста.

Редакторъ пожалъ плечами.

— Это невозможно, — сказалъ онъ послѣ недолгой паузы.

— Почему?